

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы истории,
международных отношений
и
документоведения

Выпуск 7

Сборник материалов
Российской молодежной
научной конференции

Издательство Томского университета

2011

ей во вред. Запрещение журнала возбуждало в публике сочувствие к журналисту (П.Я. Чаадаеву), подвергнутому опале, а статья приобретала популярность не только между грамотными людьми, но даже и между полуграмотными, «которые придавали ей Бог знает какие невежественные толкования» [3. С. 506]. Таким образом, современниками подтверждаются популярность и интерес в обществе к «Философическому письму».

Действительно, отчасти популярность статьи П.Я. Чаадаева объясняется именно ее запретом, поскольку идеи «басманного философа» были хорошо знакомы, например, А.С. Пушкину, М.П. Погодину и другим близким друзьям автора еще в 1830 г., о чем свидетельствует их частная переписка [4. С. 100]. Тогда «Философическое письмо» не вызывало той бурной реакции и общественного взрыва, который сопровождал его появление в печати в 1836 г. Поэтому все карательные меры, направленные против П.Я. Чаадаева, не выполнили своего предназначения, а лишь способствовали популярности его «Письма».

Возможно, если бы государство оставило без внимания публикацию философа, а, следовательно, она не стала бы столь известной, то имя П.Я. Чаадаева было бы бесследно забыто, а современные историки не обращались бы к теме «Философического письма» с таким интересом. Современный опыт развития PR-технологий показывает, что даже из незначительного, непримечательного события, литературного или любого другого, можно сделать популярный и востребованный в обществе продукт. Нельзя игнорировать и тот факт, что идеи «Философического письма» были новыми для того времени и привлекали внимание, прежде всего, своей новизной и оригинальностью. Остаться равнодушным к таким идеям было крайне сложно. Сохранилась интересная цитата самого П.Я. Чаадаева, в которой он выразил смысл того, что случилось с ним и его публикацией. Он писал: «Слово звучит лишь в отзывчивой среде» [5. С. 179]. Так что же сделало «Философическое письмо» таким популярным в русском обществе первой половины XIX века: карательные меры и шум вокруг статьи, новизна и оригинальность идей или отзывчивая среда, которая актуализировала те проблемы, о которых писал философ?

Необходимо отметить, что в первые годы николаевского царствования, когда память о разгроме декабристов оставалась еще свежей, критическое отношение к ситуации в России, неприятие николаевской действительности, доходившее до горьких обвинений в адрес родины, были распространенным явлением. Однако общественный взрыв после публикации «Философического письма» оказался не сравним ни с каким другим литературным событием того времени. «Письмо» стало провокацией общественной мысли в период напряженной социальной обстановки. Представители различных направлений по-разному восприняли публикацию «Письма», но однозначно можно сказать, что оно повлекло за собой бурную ответную реакцию, и вопросы, рассматриваемые П.Я. Чаадаевым, нашли отклик в сердцах его современников. Этот протест заставлял философов, писателей и других представителей интеллигенции ставить и исследовать принципиально важные, но ранее не разрабатывавшиеся проблемы определения исторического предназначения России, формирования национального самосознания. Сторонники идей П.Я. Чаадаева оформились в западников, а критики – в славянофилов. Таким образом, публикация способствовала началу идейного и организационного оформления славянофильства и западничества, двух течений определивших развитие русской философской мысли первой половины XIX века. Важно учитывать, что и идеи самого П.Я. Чаадаева, и реакцию общества на его идеи нельзя оценивать однозначно, так как 30-е гг. XIX в. – это только предыстория в осмыслении, притягивания/непритягивания идей П.Я. Чаадаева. И для того чтобы посмотреть в это самое «зеркало Чаадаева», все источники того времени требуют тщательного и всестороннего анализа.

Литература

1. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек. Л., 1989.
2. Из записок К.Н. Лебедева // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
3. Из воспоминаний Н.И. Панаева // П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989.
4. Переписка А.С. Пушкина: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
5. П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989.

И.А. Новиков

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XIX – НАЧАЛА XX в. ОБ АРТЕЛЯХ

Рассматриваются различные трактовки артельного объединения в русском дореволюционном законодательстве и показывается эволюция его понимания в отечественном писаном законе.

Ключевые слова: артель, русское законодательство, организация труда, самоорганизация

Обширность исследований по истории отечественной практики коллективного хозяйствования не свидетельствует об исчерпанности этой темы. Замечено, что до сих пор не изученным остаётся «основной элемент, организовывавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели» [1. С. 7]. Не в последнюю очередь это связано с крайне расплывчатым пониманием самого слова «артель» в историографии.

Нами уже анализировалось многообразие и противоречивость трактовок артели в отечественной историко-правовой литературе и публицистике, а также ставилась проблема корректного употребления этого термина в исторических исследованиях [1–6]. Данная статья продолжает конкретизацию артельной проблематики и рассматривает эволюцию взглядов русского дореволюционного законодательства на артельный союз.

Правила для устройства артелей и связанные с ними юридические отношения впервые были записаны в Уставе цехов от 12 ноября 1799 г. Здесь «артель вообще» понималась как *общество работников, по добровольному между собою условию и на началах круговой поруки составленное, для отправления служб и работ, силами одного человека несоразмерных* [7]. Позже эти положения с небольшими дополнениями, изданными в 1823 г., были включены в Торговый устав и, по сути, оставались неизменными вплоть до начала XX в.

Все исследователи, разбирая артельное законодательство XIX в., совершенно справедливо отмечали, что оно, во-первых, очень скудно, а во-вторых, касается только отдельных видов артелей (преимущественно т.н. «биржевых» и примыкающих к ним по кругу деятельности) или же относится лишь к найму артелей на те или иные работы [8–10]. Во всём Своде законов долгое время было лишь три статьи общего характера, где давалось определение артели и указывалось, что артельный договор может заключаться на временные или постоянные работы, а внутреннее устройство союза – определяться как по добровольному согласию членов в соответствии с традицией, так и уставами и правилами, утверждёнными в соответствующем порядке [11. Ст. 89–91 (до изд. 1903 г.), Ст. 79–81 (после изд. 1903 г.)].

Закон касался артелей постольку, поскольку последние сами входили в отношения с посторонними лицами и с властями, т.е. *кодифицировались, прежде всего, эти отношения, а не внутренние основы артельного союза*. «Постановлений общего характера, которые относились бы ко всем артелям, не появлялось не только до издания Свода законов, но и после, вплоть до начала XX в. Организация артели определялась договорами участников, искони выработавшимися обычаями, различными в разных отраслях хозяйственной деятельности и в разных местностях, и специальными уставами, утверждавшимися – в тех случаях, когда это требовалось законом, – подлежащей властью» [12. С. 756]. Как и везде, писаное право «шло» вслед за обычаями, выработанными народной практикой. Например, отмечалось, что «законы об организации рыбного промысла во многих частях империи суть повторение и санкция народных обычаев по этому предмету» [13. С. 22]. Однако неполное соответствие законодательной «модели» артели её «прототипу» из реальной жизни ясно осознавалось современниками [13. С. 24–25; 14; 15].

В конце XIX в. была предпринята попытка свести все разрозненные узаконения об артелях в одно и дать общее определение артели. В проекте учреждённой в 1881 г. комиссии по составлению гражданского уложения «термин «артель» был применён к товариществам «трудовым», целью которых является «не производство известных ценностей или содействие хозяйству своих членов, а отдача труда этих членов в наём третьим лицам» [12. С. 757]. Такое понимание артели коренилось в законоположениях Устава цехов, первоначально касавшихся только одного вида артелей.

Не случайно, всякий раз, когда позднее кодифицировались артельные отношения в других областях народного хозяйства, использовалось наиболее общее определение артели, одновременно присутствовавшее в русском писаном законе: «*Под артелью разумеется совокупность лиц, вошедших в соглашение между собою о совместной работе с круговым друг за друга ручательством*» [16; 17]. Оно отличалось от условно «народного» понимания артели, по сути, лишь «административным» указанием на круговую поруку, и, несмотря на всё дальнейшее законотворчество, это определение «артели вообще» (а именно в этом смысле на него и делались ссылки) сохранялось вплоть до 1917 г.

В 1899 г. в рамках подготовки того же гражданского уложения особое совещание при бывшем департаменте торговли и мануфактур разработало проект положения об артелях, который с небольшими изменениями и был утверждён указом 27 мая 1902 г. [18]: «*Артелью трудовой признаётся товарищество, образовавшееся для производства определённых работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей личным трудом участников, за общих их счёт и круговую их порукою*» [19].

Исследователи отмечали, что «наиболее важное отличие состоит в том, что Положение 1902 г. расширило понятие «артель», подведя под него товарищества, имеющие целью не только производство работ, но и занятие промыслами» [12. С. 757]. Впрочем, об этом уже упоминалось в Уставе Торговом (Ст. 89 [изд. до 1903 г.] и Ст. 79 [изд. после 1903 г.]).

Гораздо важнее, что в новые общероссийские нормы не вошло изначальное (отмеченное ещё в Уставе цехов и Уставе Торговом) указание на другую важную составляющую артельности – *добровольность объединения*. Этот момент совершенно незаметно исчез из всех последующих попыток законодательного определения артели. Хотя по косвенным данным его не могли не учитывать. Даже в 1910-х гг. подчёркивалось, что с 1895 г. [20] с формальной точки зрения на принудительные работы не распространяется рабочее законодательство (нормы которого и регулировали артельные работы): «Рабочими закон [21] называет всех служащих на промыслах по вольному найму, исключая управляющих, учёных руководителей или техников, приказчиков и писцов. Закон даёт исчерпывающий перечень, следовательно, остальные служащие будут считаться рабочими и их интересы охраняются теми нормами, которые законодатель специально издал для

рабочих» [22; 23]. Так что об «артелях» арестантов, солдат и др. категорий работников, чей труд характеризовался разной степенью принудительности, нужно говорить весьма осторожно.

Статья 2 Положения 1902 г. выделяла *договорные* артельные объединения (основывались простым договором, совершаемым в любой форме, лишь бы это не противоречило общим гражданским законам) и *уставные* (возникали на основании особых уставов, утверждаемых административной властью). 30 сентября 1904 г. на основании ст. 7 Положения о трудовых артелях, позволявшей министру финансов издавать для примера и руководства образцовые уставы отдельных видов артелей, был утверждён образцовый устав трудовой артели [24]. Все артели до издания Положения 1902 г. и договорные артели после этого – с точки зрения закона – не являлись юридическими лицами [25]. Таковыми отныне становились лишь уставные артели [12. С. 759]. Закон 1902 г. определял права и обязанности членов артелей именно и только последнего вида (ст. 3), при этом выделялось несколько признаков, по которым трудовая артель отличалась от других обществ и товариществ:

1. По цели создания союза это трудовое (для совместного найма на работы) или производительное (для занятия промыслом) товарищество (все прочие общества с переменным составом (кредитные, страховые, потребительские и др.) не соответствуют понятию трудовой артели, а следовательно, закон 1902 г. на них не распространяется).

2. Участие в деятельности артели не капиталом, а трудом. (Впрочем, обязательность личного труда в артели не устраняла возможности привлечения наёмных рабочих, но только в форме дополнительного участия). В этом состоит существенное отличие артели от тех кооперативных товариществ, где допускается участие только капиталом, а личный труд либо совсем не применяется, либо имеет второстепенное и дополнительное значение.

3. Все артельные работы исполняются от имени и за счёт артели.

4. Коллективная ответственность членов артели перед посторонними лицами.

Как видим, кроме самого общего взгляда на артель как основанное на договоре и круговой поручке объединение людей для совместного труда, в дореволюционном законодательстве присутствовали довольно разные её трактовки. Во-первых, это идущий от самой первой попытки законодательного определения артели подход к ней как к товариществу нескольких лиц с целью коллективной продажи рабочих рук третьей стороне («для отправления служб и работ»). Это положение постепенно распространялось на всю трудовую деятельность (+ «для занятий промыслами»), однако взгляд на артель с точки зрения пользователя её услугами, а не рядового участника этого союза оставался неизменным и предопределял «поверхностность» и акцент на внешней описательности юридической модели артельного объединения. В целом, отношение законодателя к артелям осталось прежним – «потребительским». Сравнивая широкое «народное» понимание слова «артель» и термин в писаном праве, видно настойчивое утверждение принципа круговой поручки во всех случаях законодательства об артелях, что свидетельствует о том, с чьих позиций закон смотрел на артель. Впрочем, ясно и то, что для общераспространённого и общепризнанного (обычай), а стало быть «по умолчанию» принимаемого, условия объединения коллективная ответственность членов не нуждалась в какой-либо артикуляции в границах обычного права.

Во-вторых, закон 1902 г., имея в виду, что целью артели может являться как трудовая, так и производительная деятельность, положил в основание определения артели не саму цель союза, а его правовой статус. Этим он, казалось бы, разрешил нестыковки предыдущих узаконений путём выделения «уставных» артелей с правом юридического лица. Но тем самым отмечалось, что производственные отношения всех других («договорных») артелей и главное – внутреннее устройство артели вообще – регулируются нормами обычного права. Ибо даже для уставной артели, кроме указания на непосредственный личный труд всех её членов и их коллективную ответственность, закон 1902 г. никак не касался внутреннего устройства артельного объединения.

В собственно юридическое поле из всех видов артелей вводились только уставные артели, для которых прописывались *некоторые* существенные признаки, во всяком случае, те из них, которые можно было кодифицировать (коллективная ответственность членов, договорное начало и хозяйственная цель объединения, главенство трудового начала). Последнее понятно, так как нереально даже представить, чтобы в писаном законе было декларировано, например, господство начала равенства во внутренней жизни артели и сомнительна возможность указания на инициативу самих участников для создания союза, т.е. самостоятельность (добровольность) артели, без которых невозможно представить артель. Эти и другие особенности артельного начала по-прежнему лежали в области обычного права и многовековой народной трудовой практики, поэтому и любое законодательное определение артели не даёт полного представления о существе этого явления народной жизни.

Литература

1. *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.
2. *Новиков И.А.* «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. № 327 (Октябрь).

3. Новиков И.А. Артель в России во второй половине XIX–XX в. К вопросу об определении термина // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2009. № 4(8).
4. Новиков И.А. Простое «объединение нескольких»? (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда) // VI Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925-1995): Материалы Международной научной конференции. Новокузнецк, 2010.
5. Новиков И.А. Артель как социокультурный феномен дореволюционной России (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда второй половины XIX – начала XX века) // Исторический ежегодник. 2010.: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2010.
6. Новиков И.А. Артельный староста и артельная расправа в сибирской золотопромышленности // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 1(13).
7. Устав Цехов 12 ноября 1799 г. (Гл. XIV, ч. 1, § 1) // Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXV, № 19187.
8. Вреден Э. Курс политической экономии. 2-е перераб. изд. СПб., 1880.
9. Исаев А.А. Артели в России. Ярославль, 1881.
10. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1877. Т. I.
11. Устав Торговый (Кн. I, Раздел II, гл. 5) // Свод Законов Российской империи (СЗРИ). Т. XI, ч. II. (изд. 1886, 1893, 1903, 1906).
12. Васьковский Е. Артель (история артели и законодательство об артели) // Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. почёт. акад. К.К. Арсеньева (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). СПб., 1911. Т. 3.
13. Оршанский И. Народный суд и народное право // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1875. Кн. V.
14. Оршанский И. Народный суд и народное право // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1875. Кн. IV.
15. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.А. Андреевского (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). СПб., 1890. Т. II.
16. Положение о найме на сельские работы (12 июня 1886 г.)] Ст. 7. Примечание // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888, Т. VI. № 3803.
17. Положение о найме на сельские работы (примечание к статье 7) // СЗРИ. Т. XII, ч. 2. (изд. 1893, 1906)
18. Указ об утверждении Положения об артелях трудовых (27 мая 1902 г.) // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1904. Т. XXII. Отд. 1, № 21521.
19. Положение об артелях трудовых 1 июня 1902 г. Ст. 1 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1904. Т. XXII. Отд. 1, № 21550.
20. Закон о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы 20 февраля 1895 г. Б. 2 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. XV, № 11391.
21. Устав Горный (Отделение второе. Кн. I, Раздел II, Гл. 6, Ст. 661, Приложение 5) // СЗРИ. Т. VII. (изд. 1897, 1902, 1906).
22. Янковский М.Л. Наше законодательство о золотопромышленности. М., 1913.
23. Девиер А.А., Бредов В.Р. Свод постановлений о горнопромышленности. СПб., 1904. Т. III.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. СПб., 1904. Отдел второй. Второе полугодие. № 49 (3 декабря 1904 г.).
25. Горенберг М. Акционерное общество, товарищество, артель. Опыт разграничения понятий // Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1896. Кн. X.

Д.В. Нуштаева

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА РОССИИ В 1920-е гг.

Рассматривается преобразование структуры Государственного банка России в период реализации и свертывания политики нэпа. Показана эволюция функций банка в 1920-е гг.

Ключевые слова: история Банка России, Государственный банк СССР, специализированные банки.

После Октябрьской революции 1917 г. банковская система бывшей Российской империи претерпела ряд существенных преобразований. Их содержание и направленность определялись идеологическими и экономическими концепциями партии большевиков. При образовании Государственного банка РСФСР в октябре 1921 г. предполагалось, что он станет единственным кредитным учреждением в стране. В соответствии с Положением о Государственном банке РСФСР местными органами банка являлись областные конторы, отделения и агентства, в административно-организационном отношении подчинявшиеся заведующим финотделов. Областные конторы открывались в столицах автономных республик и крупных центрах. Они производили операции на основании Положения о Государственном банке РСФСР, инструкций и распоряжений Правления банка и наблюдали за деятельностью отделений и агентств, относившихся к сфере их деятельности. Во главе областной конторы стояли управляющий конторой и его заместители. На 1 января 1922 г. было всего лишь три конторы – Московская, Северо-Западная – в Петрограде, Всеукраинская – в Харькове и одно отделение – в Нижнем Новгороде. Постепенно увеличивая сеть своих учреждений, Госбанк уже через год имел 116 филиалов [1]. Одним из таких филиалов являлась Сибирская контора, которая оказала существенное влияние на развитие хозяйственной жизни региона. Можно было бы ожидать и дальнейшего роста числа филиалов – низшего звена Государственного банка с охватом всех районов страны. Однако в результате появления частного капитала и возрождения мелкого товарного производства на государственном уровне было принято решение о создании специальных, вспомогательных банков – отраслевых, территориальных, а также банков с участием иностранного капитала, которые также существовали и в других